ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 069.8 EDN QSKDKB
DOI 10.29003/m5345.0514-7468.2026_48_2/295-306

Усадьба Никольское-Обольяниново XIX в. как научный центр. О подготовке полёта Д.И. Менделеева на воздушном шаре

Г.Е. Лысякова*

Рассматривается научная деятельность в усадьбе Никольское-Обольяниново (в XVIII – начале XX в. – имение графов Олсуфьевых, в 50 км к северу от Москвы); акцент сделан на подготовке к полёту на воздушном шаре для наблюдения солнечного затмения 7 августа 1887 г. с участием Дмитрия Ивановича Менделеева. Никольское-Обольяниново было местом притяжения для представителей отечественной культуры и науки – сюда приезжали учёные, художники, философы и писатели. Богатая библиотека Никольского всегда была открыта для многочисленных посетителей этого гостеприимного дома. В частности, в ней часто работал всемирно известный писатель и друг Олсуфьевых граф Лев Николаевич Толстой. Впервые полностью публикуется письмо от 7 августа 1887 г. Татьяны Львовны Толстой, старшей дочери Л.Н. Толстого, в котором она сообщает своей матери С.А. Толстой сведения о подготовительных работах и наблюдении солнечного затмения в усадьбе.

Ключевые слова: *солнечное затмение, усадьба, метеорология, научные сообщества, исследования, климатология, аэростат.*

Ссылка для цитирования: *Лысякова Г.Е.* Усадьба Никольское-Обольяниново XIX в как научный центр. О подготовке полёта Д.И. Менделеева на воздушном шаре // Жизнь Земли. 2026. Т. 48, № 2. С. 295–306. DOI: 10.29003/m5345.0514-7468.2026_48_2/295-306.

Поступила 08.02.2026 / Принята к публикации 27.05.2026

* Лысякова Галина Евгеньевна – заведующая научно-экспозиционным отделом, Государственный музей Л.Н. Толстого, *lysyakova.galina@tolstoymuseum.ru*, ORCID: 0009-0001-3718-4603.

Nikol'skoye-Obolyaninovo Estate as a Scientific Center of the Late 19th Century: On the Preparation of Dmitry Mendeleyev's Balloon Flight

G.E. Lysyakova

State Museum of L.N. Tolstoy

This article examines the scientific activities carried out at the Nikolskoye-Obolyaninovo estate (from the 18th to early 20th centuries – the estate of Counts Olsufievs, located 50 km north of Moscow). The focus is on the preparations for a hot air balloon flight to observe the solar eclipse on August 7, 1887, involving Dmitry I. Mendeleyev. Nikolskoye-Obolyaninovo was a center for prominent figures of Russian culture and science – scientists, artists, philosophers, and writers were visiting the estate. Its extensive library was always open to the numerous guests of this hospitable house. In particular, the world-famous writer and a friend of the Olsufievs family, Count Leo Tolstoy, often worked there. The letter of August 7, 1887, by Tatyana L. Tolstoy, the eldest daughter of Leo Tolstoy, is published in full for the first time. Therein, she informs her mother, Sofia Tolstoy, about the preparatory work and observation of the solar eclipse at the estate.

Keywords: *solar eclipse, estate, meteorology, scientific communities, research, climatology, aerostat.*

For citation: Lysyakova, G.E., "Nikol'skoye-Obolyaninovo Estate as a Scientific Center of the Late 19th Century: On the Preparation of Dmitry Mendeleyev's Balloon Flight", *Zhizn Zemli* [Life of the Earth] **48**, no 2, 295–306 (2026) (in Engl., abstr. in Russ.). DOI: 10.29003/m5345.0514-7468.2026_48_2/295-306.

Введение. Русская дворянская усадьба на рубеже XIX–XX вв. представляла собой уникальный феномен, ставший не просто центром культурной жизни, но и важным катализатором развития отечественной науки. В этот период стремительного интеллектуального подъёма некоторые родовые имения трансформировались в настоящие региональные научные центры, где частная инициатива дополняла деятельность государственных академических институтов. На протяжении столетий в усадьбах накапливались значительные интеллектуальные ресурсы: уникальные библиотеки, насчитывающие тысячи томов, картинные галереи и обширные естественнонаучные коллекции. Эти собрания становились базой для исследований, привлекавшей в провинцию столичных специалистов.

Однако подлинный расцвет усадебной науки пришёлся на вторую половину XIX – начало XX в. Владельцы усадеб зачастую сами являлись энтузиастами и выдающимися исследователями, выходящими за рамки простого коллекционирования. В имениях создавались метеорологические и сельскохозяйственные станции, научные лаборатории, астрономические обсерватории. Хозяин усадьбы выступал не просто меценатом, а полноценным участником научного процесса: он приглашал в своё имение представителей университетов и академических сообществ, предоставляя удобную площадку не только для общения и обмена идеями, но и для проведения исследований и планирования экспедиций.

Таким образом, усадьба брала на себя функцию важного коммуникационного центра. В условиях, когда профильных научных институтов в удалённых губерниях было недостаточно, именно дворянские гнёзда обеспечивали учёным доступ к книжным фондам, уникальным коллекциям и, что не менее важно, к частному финансированию проектов. Подобное взаимодействие передовой аристократии и профессио-

нальной науки позволило вывести многие региональные исследования на столичный уровень, превратив усадьбу в ключевой элемент интеллектуальной инфраструктуры России того времени.

Усадьба Никольское-Обольяниново. Усадьба Никольское-Обольяниново была одним из значимых для науки и искусства региональных культурных центров своего времени. Жители Никольского стояли в одном ряду с передовыми владельцами богатых дворянских имений, ставших своеобразными региональными центрами научных исследований и игравших значительную роль в создании благоприятных условий для развития научных сообществ того времени.

Учёные могли обращаться к богатым книжным собраниям в имениях, обмениваться идеями и получать финансовую поддержку для осуществления своих проектов. Владелец усадьбы, тяготевший к тому или иному научному направлению или непосредственно занимавшийся научными исследованиями, приглашал к себе в имение учёных и представителей научных обществ для обсуждения различных вопросов, планирования экспедиций или проведения научных исследований, что способствовало созданию и поддержке научных клубов и обществ.

Особенный расцвет научная деятельность на территории усадьбы получила во второй половине XIX в. при графе Адаме Васильевиче Олсуфьеве (1833–1901) **(рис. 1)** и его жене Анне Михайловне Олсуфьевой (1835–1899), урождённой Обольяниновой.

Одним из главных научных направлений, которому Адам Васильевич посвятил много времени, была климатология – раздел метеорологии, изучающий климатическую совокупность погодных характеристик за многолетний период на определённой территории.

Занятия метеорологией графа Олсуфьева не были любительскими. Напротив, с июля 1884 г. Адам Васильевич являлся действительным корреспондентом Главной геофизической обсерватории в Санкт-Петербурге, и его наблюдения высоко ценились в научных кругах. По указанию обсерватории он регулярно производил метеорологические наблюдения.

Рис. 1. Граф Адам Васильевич Олсуфьев. Автор И. Дьяговченко. Москва. Конец 1890-х гг.

Fig. 1. Count Adam V. Olsufiev. Photo by I. Diagovchenko. Moscow. Late 1890s.

Геофизическая обсерватория имени А.И. Воейкова – одно из самых старых метеорологических учреждений в России, открытое 1 апреля 1849 г. в Санкт-Петербурге по указу Николая I. Геофизическая обсерватория занималась исследованиями в области климатологии, аэрологии, актинометрии, динамической метеорологии, а также рядом направлений физики атмосферы. В 1868 г. директором обсерватории стал академик Генрих Иванович Вильд, под чьим руководством были введены единые сроки наблюдения на станциях и единая метрическая система, а измерение температуры стало проводиться в градусах Цельсия.

С 1872 г. данные метеорологических постов стали публиковать в метеорологическом бюллетене. В то время там публиковались данные, приходящие с 26 станций на территории России, а к 1888 г. их число уже достигло 108.

Одним из таких постов наблюдения была метеорологическая станция, построенная графом Адамом Васильевичем Олсуфьевым на территории усадьбы Никольское-Обольяниново.

Граф Олсуфьев на основании многолетних наблюдений написал несколько книг, в т. ч. «Метеорологический дневник для сельских хозяев», изданный в Санкт-Петербурге в типографии Э. Арнгольда в 1880 г., и «Климатология Николо-Горушкинской метеорологической станции, находящейся в Дмитровском уезде Московской губернии» **(рис. 2)**, которая вышла приложением к выпуску № 5 журнала «Метеорологический вестник» за 1893 г.

Книга была напечатана по распоряжению Императорского Русского географического общества. В ней можно найти итоги метеонаблюдений А.В. Олсуфьева за период с 1 декабря 1878 г. по декабрь 1892 г.

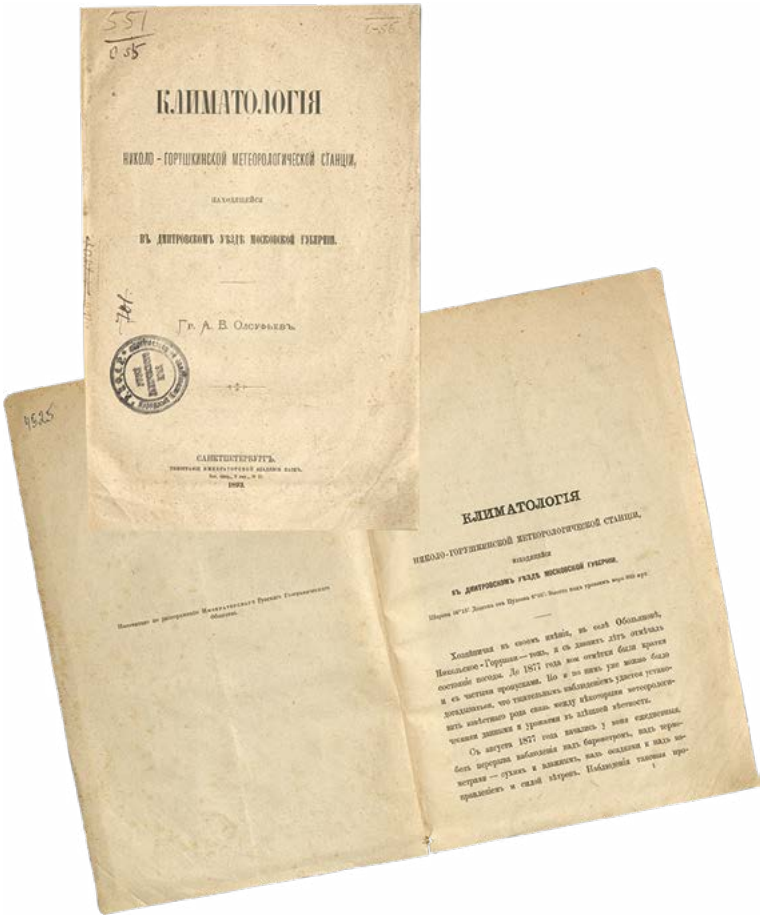
В библиотеке Никольского-Обольянинова имелись книги и периодические издания, посвящённые метеонаблюдениям, такие как «Ежемесячные и годовые метеорологические наблюдения станций 2-го раздела», а в выпусках «Метеорологического вестника» можно встретить публикации графа А.В. Олсуфьева.

Большая часть библиотеки Никольского-Обольянинова, в т. ч. публикации Адама Васильевича Олсуфьева, хранится в музее-заповеднике «Дмитровский кремль». Метеорологические приборы графа, его научные публикации и метеорологические дневники представлены в постоянной экспозиции музея.

Знаменитый учёный Дмитрий Иванович Менделеев жил недалеко от Никольского-Обольянинова в имении Боблово. Он бывал у Олсуфьевых, и те также посещали Боблово с ответными визитами. Сфера научных интересов Менделеева пересекалась с метеорологическими исследованиями хозяина Никольского.

К проведению наблюдения полного солнечного затмения 7 августа 1887 г. готовились заранее, и не только в России. Полоса полного затмения также прошла по территориям Германии и Японии. Это событие вызвало большой интерес в научном сообществе, и для наблюдения затмения были организованы многочисленные экспедиции.

Одним из пунктов для наблюдения затмения в центральной части России стал город Юрьевец Костромской губернии (ныне районный центр Ивановской области). В эту точку была направлена научная экспедиция Московского университета под руководством астронома и астрофизика профессора Аристарха Аполлоновича Белопольского (1854–1934). В состав экспедиции входили видные учёные из разных стран. Экспедиция прибыла на пароходе из Нижнего Новгорода и развернула походную обсерваторию на берегу Волги.


КЛИМАТОЛОГІЯ

НИКОЛО-ГОРУШКИНСКОЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦІИ,

ВЪ ДМИТРОВСКОМЪ УѢЗДѢ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Гг. А. В. Олсуфьевъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

КЛИМАТОЛОГІЯ

НИКОЛО-ГОРУШКИНСКОЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦІИ,

ВЪ ДМИТРОВСКОМЪ УѢЗДѢ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Рис. 2. Олсуфьев А.В. «Климатология Николо-Горушкинской метеорологической станции, находящейся в Дмитровском уезде Московской губернии». Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1893 г. Изображение предоставлено Музеем-заповедником «Дмитровский кремль».

Fig. 2. A.V. Olsufiev. "Climatology of the Nikolo-Gorushkinskaya Meteorological Station, located in the Dmitrovsky district of the Moscow province" [in Russian]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1893. By courtesy of the Museum-Reserve "Dmitrov Kremlin".

Сохранились воспоминания о наблюдении учёными солнечного затмения на страницах путевых заметок «Волга и Волгари» Андрея Павловича Субботина (1852–1906) – русского экономиста, издателя, публициста и педагога. Исследователя больше интересовал процесс приготовления к наблюдению и реакция населения, нежели само затмение: «*Юрьевец, до которого, кажется, никому не было дела, вдруг стал известен не только во всей Европе, но и в других частях света, причём эту известность разделяла с ним и соседняя Кинешма. В этих городах, да и в других местах России, было назначено на 7 августа 1887 г. полное солнечное затмение. Сюда собрались астрономы не только свои, но и заграничные. Предвестниками их прибытия в тихий город были невиданные инструменты, которые были сложены на берегу. Народ был напуган и в простоте сердца ожидал кончины мира, которая готовилась и прежде много раз, но всё почему-то откладывалась, а на этот раз должна была состояться наверное*» [5,

с. 153]. Андрей Павлович отмечал, что от страха и непонимания происходящего толпа собиралась разбить диковинные инструменты, но местные власти предусмотрели подобную реакцию и усилили охрану временной обсерватории. Субботин утверждал, что с погодой учёным повезло, чего нельзя было сказать о других точках наблюдения: «*Потом приехали учёные – англичане, французы, бельгийцы, которые могли быть довольны своим выбором, ибо в других русских городах наблюдателям мешала дурная погода, а здесь бельгийский астроном Нистен ясно видел полное солнечное затмение*» [5, с. 153].

Другим значимым событием, связанным с наблюдением затмения, считается полёт Дмитрия Ивановича Менделеева на аэростате. По целому ряду источников можно воссоздать картину полёта учёного 7 августа 1887 г.

Сохранилось также множество свидетельств, говорящих о научной работе на территории усадьбы Никольское-Обольяниново, которая велась в преддверии подготовки наблюдения солнечного затмения.

Усадьба как научная база: подготовка к наблюдению солнечного затмения и встреча с Менделеевым. Созданием условий для работы, устройством временной обсерватории и размещением членов Русского физико-химического общества во главе с профессором Николаем Григорьевичем Егоровым (1849–1919) во время подготовки и наблюдения за солнечным затмением занимались Адам Васильевич Олсуфьев и его семья в усадьбе Никольское. Об этом вспоминает в своей книге «Менделеев в жизни» вторая жена Д.И. Менделеева Анна Ивановна Менделеева (1860–1942). В VIII главе «Полёт Д.И. Менделеева на аэростате» она пишет: «*К этому затмению учёные готовились года за три до срока. Условия для наблюдения его были исключительны, так как можно было наблюдать на очень большом пространстве на суше. Все страны, где существовала наука, отправляли наблюдателей преимущественно в центральную Россию. Англия, Франция, Италия, Американские Штаты, Германия и Россия сделали необходимые приготовления. В наших местах около Клина расположились наблюдатели от Русского физико-химического общества. Устроили временную обсерваторию. Трудов было много. Им помогала и местная интеллигенция. Гр. А.В. Олсуфьев, верстах в 25 от станции Подсолнечное, в своем имении Никольское-Обольяниново поместил членов Русского физико-химического общества, приехавших для наблюдения затмения, проведения полета на аэростате*» [1, с. 75].

Члены общества не просто так выбрали усадьбу Никольское для своих наблюдений за солнечным затмением. Помимо всесторонней поддержки, которую они получили в доме Адама Васильевича, Никольское-Обольяниново являлось одной из самых высоких точек Подмосковья – 293 м н.у.м.

Анна Ивановна описывает и другой эпизод подготовки Менделеева к полёту на аэростате. Из него мы видим, что Адам Васильевич не только помогал членам физико-химического общества, но и снабдил Д.И. Менделеева необходимыми для исследования метеорологическими приборами, помогал в организации съёмки знаменательного события: «*Во вторник Дмитрий Иванович отправился в Клин, чтобы встретить Кованько и условиться о подробностях. <…> Оставалось до приезда Кованько ещё много времени, и Дмитрий Иванович решил его употребить на свидание с членами комиссии Русского физико-химического общества, которые жили в имении гр. А.В. Олсуфьева в Обольянинове для наблюдения затмения. Цель поездки в Обольяниново состояла в том, чтоб узнать, нельзя ли во время поднятия сделать ещё какие-либо наблюдения, какие, может быть, ему не приходили в голову. Хозяин Обольянинова А.В. Олсуфьев любезно предложил Дмитрию Ивановичу карманный анероид, показывающий высоту*

до 2 вёрст. С членами комиссии Дмитрий Иванович обсуждал также подробности относительно фотографирования. Из имения Олсуфьева Дмитрий Иванович поехал прямо к нам в Боблово, чтобы на другой день ехать в Клин» [1, с. 76–77].

Вот как описывает свои приготовления к полёту на аэростате сам Д.М. Менделеев: «*Кругом аэростата была масса народа и стояло множество экипажей. Проходя к аэростату, я встретил нескольких своих петербургских знакомых, приехавших наблюдать солнечное затмение и вместо него теперь решившихся, так как нечего было другого делать, наблюдать по крайней мере отлёт аэростата. <…> Кто-то кричал «бис», и я подумал: хорошо бы в самом деле повторить и повторять это торжество науки, хорошо потому, что есть масса чрезвычайно интересных задач, которые можно разрешить только при поднятии на аэростатах. Задачи эти не чужды наших обычных общежитейских интересов, потому что они касаются разрешения понятия о погоде. Аэростатическое восхождение Захарова, Гей-Люссака, Тиссандье и особенно Глэшера на его «философском аппарате» (т. е. физическом приборе), как он назвал свой аэростат, внесли уже много данных чрезвычайной важности в область метеорологических сведений. <…> Корзинка, однако, была нагружена мешками с песком. Их вынимают, на место их ставят ранее приготовленную табуретку и ставят доску. На табурете я предпочитал сидеть во время наблюдений, потому что в сидячем положении мне казалось более удобно производить наблюдения, так как обе руки могли быть тогда свободными. <…> На доске, которую предполагалось положить на края корзинки, я думал расположить все приборы для того, чтобы они были под руками в короткое время полного солнечного затмения. В корзину аэростата поместили и мою небольшую корзинку с приборами*» [2, с. 112–113].

Изначально планировалось, что вместе с Менделеевым на аэростате поднимется пилот-аэронавт и изобретатель Александр Матвеевич Кованько (1856–1919). Он должен был управлять полётом шара, в то время как Дмитрий Иванович намеревался производить расчёты и замеры при наблюдении за затмением.

Когда все приборы были положены в корзину, оказалось, что аэростат не может поднять двух человек, поскольку из-за большой влажности воздуха шар сильно намок, и Менделеев принял решение лететь один. Данное решение было очень рискованным и не дало возможность учёному в полной мере заняться наблюдением за солнечным затмением. Аэростат поднимался медленно, и Дмитрию Ивановичу было необходимо избавиться от мешков с песком, которые лежали на дне корзины. Менделеев вспоминал, что выбросить мешок целиком он не мог, поскольку боялся слишком быстрого подъёма воздушного шара, что могло привести к непредсказуемым последствиям, а перекинуть его через борт корзины и постепенно высыпать песок также не получилось – песок оказался мокрым. Поэтому учёному пришлось горстями выкидывать песок из мешка, на что он потратил много сил и времени. Когда аэростат выплыл из густых облаков, Менделеев увидел полное затмение. В своих воспоминаниях он замечает, что темноты не наступило, а были лишь сумерки, которые бывают в горах после заката солнца. Вращение шара, образующееся при подъёме или спуске, по словам учёного «*чрезвычайно затруднило наблюдение*». Кроме того, аэростат быстро прошёл нужную высоту и поднялся выше, чем было необходимо для наблюдения затмения.

Менделееву удалось подняться на высоту 3800 м. Он пролетел около 100 километров над Тверской губернией и пребывал в воздухе два с половиной часа, после чего приземлился под городом Калязин.

Учёный успел зафиксировать солнечную корону и бегущую по облакам тень, провести замеры температуры и атмосферного давления, но наблюдать за затмением от начала и до конца Дмитрию Ивановичу не удалось.

Д.И. Менделеев положил символическое начало аэрометеорологии в России. За этот полёт Менделееву вручили почётный диплом и медаль Французской академии аэростатической метеорологии.

Среди прочих приборов, приготовленных Менделеевым для исследований во время полета на аэростате, он упоминает тот самый прибор – анероид, который граф Олсуфьев предоставил учёному: «*В кармане у меня был анероид графа Олсуфьева. Достал его в тот момент, как почувствовал, что верёвки отпущены и аэростат начал подниматься. Мои глаза были устремлены на стрелку анероида. Не видел и не слышал, что происходило внизу. Стрелка анероида так медленно двигалась, что нужно было тотчас же бросить песок – иначе шар мог опуститься обратно на землю и таким образом я опоздал бы к затмению*» [3, с. 57].

Как и Андрей Павлович Субботин, Менделеев подробно описал реакцию простого народа при подготовке к полёту и при приземлении аэростата. Хотя в преддверии полного затмения в области распространялась брошюра «Затмение Солнца 7-го августа 1887 г.» издательства «Посредник» авторства астронома и математика Иосифа Андреевича Клейбера (1863–1892), Менделеев отмечал, что при приземлении к нему бежало множество народа, смотревшего на диковинный летающий аппарат с некоторой опаской: «*Только что мы сделали несколько шагов к деревне, видим едет тележка на одной лошади, и в ней сидят трое, возница и двое, одетых по-купечески. Это, говорят, соседний трактирщик и помощник управляющего. Они подъезжают ко мне, и я слышу следующее: "Ведь я говорил, что летит комета, и на ней человек сидит. Вот ты не верил, видишь теперь: вот комета и вот человек. Ну что, поверишь мне теперь?" Эти речи говорил добродушнейшим образом крестьянин Андрей Прохорович Мушкин Прокофию Ивановичу Погодину, владельцу трактира, расположенного около села Спаса на Углу. Они пригласили меня с собою на тележку, взялись довезти до усадьбы и целую дорогу рассказывали мне про то, что видели, как я лечу и спускаюсь и что "этакая комета в первый раз к ним прилетела", и они, хотя и выражаются таким простым языком и не знают, как называть машину, на которой я прилетел, но понимают, в чём дело, знают, что это, должно быть, для затмения полетели из Москвы, слышали даже об этом, что всем объяснят и в кармане у них есть даже книжка о затмении, которая им многое объяснила*» [4, с. 86–87].

Письма Татьяны Львовны Толстой. Непосредственным участником приготовлений и приема учёных стала дочь Льва Николаевича Толстого Татьяна Львовна, гостившая тогда у Олсуфьевых в Никольском-Обольянинове **(рис. 3)**.

Татьяна Львовна дружила с детьми Олсуфьевых и часто посещала Никольское со своим знаменитым отцом. В рукописном отделе Государственного музея Л.Н. Толстого хранятся её письма, отправленные из Никольского матери Софье Андреевне Толстой. В них она подробно описывала события, происходившие в усадьбе.

В письме, датированном 5 августа 1887 г., Татьяна рассказывает, сколько приготовлений и хлопот взяли на себя обитатели Никольского в размещении и устройстве не только членов Русского физико-химического общества, но и других учёных и наблюдателей, а также раскрывает свою роль в подготовке наблюдения за затмением: «*Гостей здесь видимо-невидимо – 12 астрономов <...>. Каждого нового не ожидаемого гостя встречают с ужином. <...> Здесь построены две обсерватории, на одну из них я сегодня лазила и смотрела в телескоп, но кроме туч, ничего не было видно. Здесь так много народу, что ничего не предпри-*

Рис. 3. Татьяна Львовна Толстая в Ясной Поляне.Фотограф С.А. Толстая. 1895 г.
Fig. 3. Countess Tatyana Tolstoy in the Yasnaya Polyana Estate. Photo by S.A. Tolstoy, 1895.

нимается, а кишит толпа целый день во всём доме. <…> Астрономы хотят мне поручить нарисовать затмение и отметить места, где будут видны звёзды; а тот, который должен был это сделать, займётся другим. Но мне очень страшно, и я боюсь растеряться» [6].

Несмотря на большую загруженность и вовлечённость в процесс подготовки к наблюдению солнечного затмения 7 августа 1887 г., Татьяна Львовна в этот же день написала матери подробное письмо о том, что произошло в усадьбе (**рис. 4**).

Данное письмо впервые публикуется целиком: «*Не получала ещё писем от Вас, а Вам пишу второе. Сегодня утром мы смотрели неудачное затмение. Вчера мы легли часу в первом, а мальчики Олсуфьевы, Лопатин, Обухов (муж Хвонзинской) играли в винт и делали метеорологические наблюдения. В 4 часа мы все встали и с ужасом увидали, что густой туман. Астрономы все пошли в свои будки, а мы недалеко оттуда стояли в поле с своими биноклями и стёклами, которые, конечно, никому не понадобились. Вдруг стало быстро темнеть, лошади под полицейскими (тут пропасть всякой полиции, мужиков сторожей и т. д.) засуетились, коровы стали мычать в скотной, но на нас ни на кого не произвело никакого впечатления. Темно было не очень. Можно было на карманных часах видеть время, и кругом всё было видно. Продолжалось две минуты, которые показались двумя секундами,*

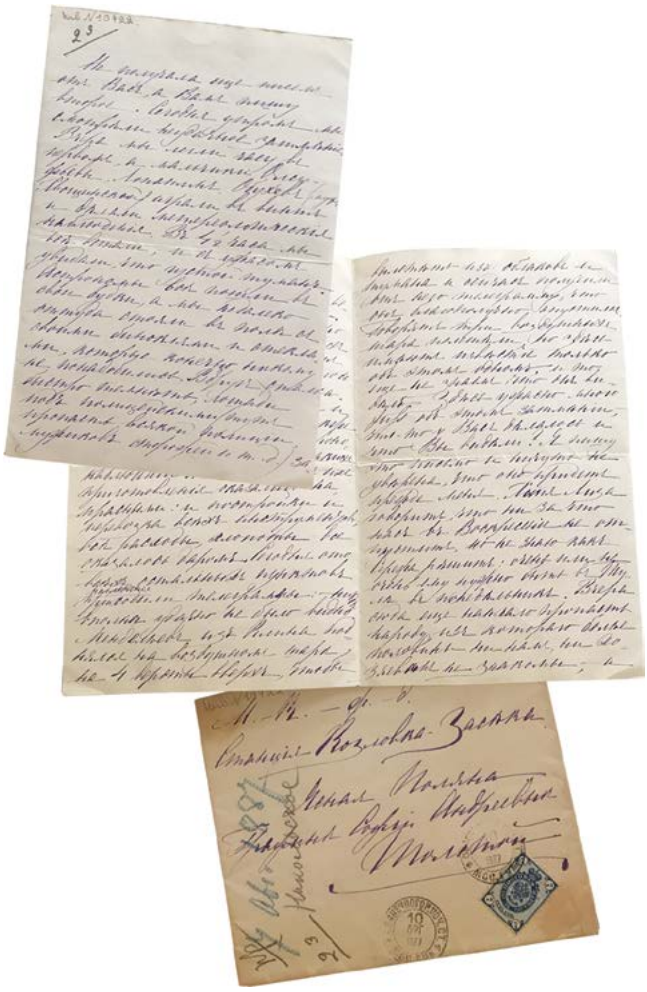


Рис. 4. Письмо Т.Л. Толстой С.А. Толстой от 7 августа 1887 г. Отдел рукописей Государственного музея-заповедника Л.Н. Толстого.

Fig. 4. Letter from Countess T. L. Tolstoy to her mother, Countess S. A. Tolstoy, dated August 7, 1887. Manuscript Department of the State Museum of Leo Tolstoy.

и потом стало опять так же быстро рассветать. Астрономы не могли, конечно, никаких наблюдений сделать, и все их приготовления оказались напрасными: и постройки, и перевозка всех инструментов, все расходы, хлопоты – всё оказалось даром. Сегодня от всех остальных пунктов наблюдения приходили телеграммы: нигде вполне удачно не было видно. Менделеев из Клина поднялся на воздушном шаре на 4 версты вверх, чтобы вылететь из облаков и тумана, и сейчас получили от него телеграмму, что он благополучно спустился. Говорят, три воздушных шара полетели, но здесь имеют новости только об этом одном, и то ещё не знаем, что он видел. Здесь ужасно много уж об этом затмении, что-то у Вас делалось и что Вы видели? Я пишу это письмо и ничуть не уверена, что оно придёт прежде меня. Тётя Лиза говорит, что ни за что нас в воскресенье не отпустит, но не знаю, как Серёжа решит: очень или не очень ему нужно быть в Туле в понедельник. Вчера сюда ещё

наехало пропасть народу, из которого более половины ни нам, ни хозяевам не знакомы, а из знакомых графиня Олсуфьева – жена Александра Васильевича с маленьким премиленьким сыном, Обухов и сестра Матильды, которая поёт охотно и мило. Народу здесь столько, что для того, чтобы всем налить по одному стакану чаю, надо вылить три самовара. Хорошо, что половина из них приехала только вчера, не спала и сегодня уехала. Прощайте, целую всех во всех трёх домах. Что убогие? Надеюсь, что лучше, и надеюсь, что с следующей почтой получу от Вас письмо.

Таня. 7 августа 1887. Никольское» [7].

Сохранил воспоминания о Менделееве и младший сын Олсуфьевых Дмитрий Адамович (1862–1937). Он несколько раз приезжал в гости к учёному и подолгу беседовал с ним о науке и религии. В своих мемуарах «Вечный ковёр жизни», над которыми Дмитрий Адамович работал в эмиграции, он вспоминает о знаменитом полёте Менделеева: «*В 1887 году у нас в имении была устроена астрономическая станция для наблюдения за солнечным затмением. К нам в Никольское съехались учёные наблюдатели из Петербурга и из чужих стран. Менделеев приезжал к нам несколько раз. В час затмения он поднялся на аэростате. Как бы Менделеев порадовался, видя успехи нынешней авиации!*» [4, с. 191].

Заключение. Таким образом, на примере деятельности графа Адама Васильевича Олсуфьева и его семьи ярко видна значимая роль передового русского дворянства в развитии отечественной науки во второй половине XIX в. Усадьба Никольское-Обольяниново под управлением Олсуфьевых превратилась на некоторое время в активный научный центр.

Письма, написанные Татьяной Львовной из Никольского матери, детально раскрывают степень участия Олсуфьевых и их помощи в организации наблюдения за солнечным затмением, а также позволяют сделать вывод, что не только граф Адам Васильевич, но и все обитатели усадьбы оказывали поддержку многочисленным учёным и исследователям, приехавшим в Никольское-Обольяниново в августе 1887 г.

Вместе с тем, наблюдение за солнечным затмением не являлось единственной заметной страницей истории усадьбы. Никольское-Обольяниново славилось обширной научной библиотекой по всем отраслям знаний, которая привлекала учёных, исследователей, писателей. Лев Николаевич Толстой многие часы проводил в Никольской библиотеке, был частым и желанным гостем в усадьбе. Там он готовил материалы для народного издательства «Посредник», где издавались и распространялись среди народа доступные по цене книжечки с поучительными рассказами.

Олсуфьевы создавали для писателя комфортные условия для работы. В декабре 1885 г. он написал жене Софье Андреевне Толстой из Никольского: «*Семейство одно дома; как всегда, все приятны и добродушны. Я нашёл много книг в библиотеке, из которой собираю то, что годится для издания*» [5, с. 555].

Богатая усадебная библиотека начала складываться ещё при Петре Хрисанфовиче Обольянинове (1753–1841). Хотя Пётр Хрисанфович и его супруга Анна Александровна (1754–1822) не были всесторонне образованными людьми и не владели иностранными языками, при них библиотека пополнилась значимыми русскоязычными изданиями. (То, что книги приобретал именно Пётр Обольянинов, подтверждается инициалами «П.О.» на корешках книг и подписью «Петра Обольянинова» на титульных листах).

Собрание включало богатую подборку книг по истории, как российской, так и зарубежной, включая многотомные издания по истории Германии, Римской истории и истории других стран. Был в Никольском и ряд редких изданий, таких как «Труды вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» с 1767–1795 гг.».

Так собранная несколькими поколениями обширная библиотека усадьбы стала своеобразным интеллектуальным магнитом, а сам дом был всегда открыт для передовых деятелей науки и культуры того времени.

Сочетание заинтересованности наукой и искусством, а также открытая, гостеприимная среда сделали Никольское-Обольяниново заметным научным и культурным центром Дмитровского уезда. Деятельность графа Адама Васильевича Олсуфьева и его семьи ярко иллюстрирует значимую роль передового русского дворянства, которое не просто покровительствовало науке, но принимало активное участие в научных событиях страны, часто предоставляя свои усадьбы в качестве научно-исследовательских площадок. Письма Татьяны Львовны Толстой подтверждают, что всесторонняя поддержка учёных, приехавших наблюдать затмение в 1887 г., была общим важным делом всей семьи.

Благодарности. Автор выражает благодарность сотрудникам рукописного фонда Государственного музея-заповедника Л.Н. Толстого – заведующей отделом рукописного фонда Новиковой Светлане Дмитриевне, хранителю фонда Софьи Андреевны Толстой Нелюбиной Елене Владимировне – за подбор рукописей. Автор также благодарит сотрудников Музея-заповедника «Дмитровский кремль» – заместителя генерального директора по научной работе Сунгурова Романа Николаевича, главного хранителя Филимонову Елену Владимировну и ведущего научного сотрудника, хранителя фондовой коллекции «Книги» Баклыгину Марину Александровну – за консультации и подбор материалов.

Литература

1. *Менделеева А.И.* Менделеев в жизни. Записи прошлого. Воспоминания и письма. М.: Мосполиграф, 1928. 184 с.
2. *Менделеев Д.И.* Воздушный полёт из Клина во время затмения // Северный вестник. 1887. № 11. С. 87–124.
3. *Менделеев Д.И.* Воздушный полёт из Клина во время затмения // Северный вестник. 1887. № 12. С. 57–93.
4. *Олсуфьев Д.А.* Вечный ковер жизни: семейная хроника. М.: Индрик, 2016. 447 с.
5. *Субботин А.П.* Волга и волгари: Путевые очерки А.П. Субботина: Верхняя Волга: Очерки I–VII: Губернии Тверская, Ярославская и Костромская. СПб: Тип. В. Демакова, 1894. 160 с.
6. *Толстая Т.Л.* Письмо от 5 августа 1887 года Толстой С.А. Отдел рукописей Государственного музея-заповедника Л.Н. Толстого. Инв. № 10917.
7. *Толстая Т.Л.* Письмо от 7 августа 1887 года Толстой С.А. Отдел рукописей Государственного музея-заповедника Л.Н. Толстого. Инв. № 10922.

References

1. Mendeleyeva, A.I., *Mendeleyev in Life* (Moscow, 1927) (in Russian).
2. Mendeleyev, D.I., “Aerial Flight from Klin During the Eclipse”, *Severny Vestnik* **11**, 87–124 (1887) (in Russian).
3. Mendeleyev, D.I., “Aerial Flight from Klin During the Eclipse”, *Severny Vestnik* **12**, 57 (1887) (in Russian).
4. Olsufiev, D.A., *The Eternal Carpet of Life* (Moscow, 2016) (in Russian).
5. Subbotin, A.P., *The Volga and the Volgans: Travel Sketches by A.P. Subbotin: The Upper Volga: Sketches I–VII: Tver, Yaroslavl and Kostroma Governorates* (St. Petersburg: Printing House of V. Demakov, 1894) (in Russian).
6. Tolstaya, T.L., *Letter dated August 5, 1887, to S.A. Tolstaya* (Department of Manuscripts of the State Museum of Leo Tolstoy, Inv. No. 10917 (in Russian).
7. Tolstaya, T.L., *Letter dated August 7, 1887, to S.A. Tolstaya* (Department of Manuscripts of the State Museum of Leo Tolstoy, Inv. No. 10922) (in Russian).